26ое Января

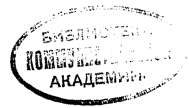
къ

Портъ Артуръ

письмо Капитана 2го ранга ***

Берлинъ
Изданіе Іоанна Рэде
1904.

736
29

Мой дорогой другъ!

Пишу тебѣ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго, пережитаго и выстраданнаго. Нѣтъ возможности молчать. Хотѣлось бы прокричать объ этомъ на весь Божій міръ,—но что значитъ на этомъ свѣтѣ голосъ подневольнаго батрака, хотя бы и въ чинѣ капитана второго ранга, заглушаемый зычными голосами бездарностей, съумѣвшихъ захватить во время въ свои руки капральскую палку и потому гордо именующихъ себя „сильными міра сего“? Да, сильны они, сильны, несомнѣнно, но въ палочномъ смыслѣ, сильны лишь своей дерзостью, своимъ нахальствомъ, но никакъ не своими талантами, своими дарованіями, своимъ пониманіемъ ситуаціи и умѣніемъ распорядительствомъ и предусмотрительностью предотвращать страшныя несчастія. Больно и грустно,—но одна надежда на Всемогущаго, что Онъ, справедливый, все видитъ, все знаетъ и понимаетъ, все разсудитъ и каждому воздастъ по его заслугамъ. Одно утѣшеніе, что не вѣчна власть этихъ палочниковъ, недолго имъ еще навлекать несчастія на нашу дорогую родину, что есть еще нелицепріятная исторія, есть историческій судъ, который разберетъ всю эту путаницу грабежей,

обмановъ, подлоговъ и преступленій и выяснить всю истинную подкладку того грандіознаго преступленія, которое совершили по отношенію ко всей Россіи и великому русскому народу эти наглецы и нахалы, именуемые нашимъ начальствомъ. Господи, услышь мою мольбу, дай возможность мнѣ и всѣмъ преданнымъ сынамъ дорогого отечества раскрыть предъ глазами обманутаго нашего народа всю горькую, но все же правду, и да услышатъ мой слабый голосъ тѣ, кто имѣетъ силу и возможность призвать къ отвѣту тѣхъ, кто навлекъ бѣдствіе на Россію, какого она еще не переживала никогда и послѣдствія котораго положительно въ настоящій моментъ неисчислимы. Не удивляйся, мой пріятель, что я повторяюсь: я страшно взволнованъ. Грудь моя подобна вулкану, въ душѣ смятеніе и сомнѣнія, и слова вылетаютъ градомъ изъ устъ и изъ подъ пера. Самъ не знаю, что пишу, и хоть сознаю, что пишу безпорядочно, но долженъ писать, долженъ излить всю мою скорбь и все мое негодованіе, долженъ высказаться хоть въ частномъ письмѣ, чтобы сознавать, что хоть въ малой степени мой долгъ исполненъ и что если мнѣ не суждено будетъ вернуться живымъ съ поля брани, есть хоть одинъ человѣкъ, который вмѣстѣ со мною знаетъ всю правду, который съумѣетъ сохранить эту тайну до поры до времени и отдастъ ее, въ должный моментъ, въ печать, дабы весь русскій народъ узналъ, когда придетъ время раскрыть ему глаза, что совер-

шено было отъ его имени въ далекомъ Портъ-Артурѣ. И еще разъ, я прошу, я умоляю тебя, не ставь мнѣ въ вину этой поспѣшности, этого волненія. Когда смерть глядитъ на тебя изъ тысячи глазъ, когда не знаешь, будешь ли ты еще завтра живъ или мѣткая японская граната уже сегодня разорветъ тебя въ клочки, поневолѣ взбудоражишься, поневолѣ станешь волноваться, что бы тамъ наша лживая пресса не врала про мужество и стойкость доблестныхъ русскихъ войскъ. И кромѣ того, тебѣ, какъ человѣку „сухопутному“, какъ человѣку, почти что не видавшему моря, покажется, пожалуй, совершенная грандіозная ошибка, граничащая съ вопіющимъ преступленіемъ, малой и незначительной, но для насъ, моряковъ, преисполненныхъ нашего спеціально — морского идеализма, готовыхъ грудью постоять и умереть за родину, знавшихъ, что наше призваніе таитъ въ себѣ тысячи опасностей и все же смѣло и вдохновенно избравшихъ его, для насъ, моряковъ, говорю я, эта ошибка возрастаетъ въ сто, въ тысячу кратъ, и съ проклятьемъ на устахъ мы вспоминаемъ —, а вынуждены вспоминать ихъ тысячи разъ на день —, тѣхъ, кто вовлекъ Россію въ несчастіе, а насъ въ великій позоръ неподготовленности къ бою и полной потери перваго сраженія. Стыдъ и срамъ! Стыдъ и срамъ! И снова стыдъ и срамъ — сколько ни буду жить, я не перестану восклицать это, повторять это каждому встрѣчному и поперечному. И если меня не шальная пуля или осколокъ

гранаты непріятеля уложатъ въ раннюю могилу, обо мнѣ еще услышитъ русскій народъ, ибо приму на себя тяжелый крестъ обличителя и апостола правды. И пусть всѣ они, палочники и подкупные наглецы, возстанутъ противъ меня, пусть вся наша пресса, изъ жалкихъ патріотическихъ соображеній, вѣрнѣе изъ опасеній цензурной кары, замолчитъ мое дѣло и мои начинанія, пусть даже меня упекутъ въ военную тюрьму или отдадутъ подъ военный судъ, обвиняя меня въ измѣнѣ, я не замолчу и буду повторять, какъ теперь твержу тысячу разъ на день: продали, продали насъ гг. наши военачальники! Покрыли позоромъ свои головы и наши, но съумѣли свалить всю вину на обстоятельства и условія, выпутавши себя изъ позорнаго дѣла, но не заботясь о томъ, чтобы смыть позорное пятно съ насъ, съ тѣхъ, кто въ ночь съ двадцать шестого на двадцать седьмое января, застигнутый вразсплохъ, все же выполнялъ свой долгъ до конца, не страшась непріятельскихъ минъ и памятуя только о долгѣ передъ родиной, передъ дорогой родиной, пославшей насъ сюда, на далекую окраину, чтобы мы нашей могучей грудью защищали и отстаивали интересы и права нашей славной родины. Стыдъ и позоръ — я уже писалъ, что никогда не устану повторять эти слова громко, во всеуслышаніе. И если я чего либо боюсь въ этотъ моментъ, то не смерти, а только лишь преждевременной смерти, которая не дастъ мнѣ закончить великаго обличительнаго дѣла, всѣ тяготы котораго я съ

радостью и охотой беру на одного себя, что бы это мнѣ ни сулило въ будущемъ. Но довольно лирическихъ изліяній, — я долженъ перейти къ дѣлу. Я долженъ изложить тебѣ по порядку все, что хотѣлъ изложить, что считаю нужнымъ передать тебѣ, все, что довѣряю тебѣ, какъ вѣрнѣйшему и испытанному другу, который вмѣстѣ со мною, я увѣренъ, вознегодуетъ душой и поклянется учинить историческую расправу надъ тѣми, кто есть, былъ и будетъ навѣки единственнымъ виновникомъ нашей безславной побѣды — пораженія въ ночь съ двадцать шестого на двадцать седьмое января. Это историческій отнынѣ день для Россіи, знавшей лишь дни славы и чести, а теперь занесшей на свои анналы и день великаго безславія, величайшаго безчестія! . . . Но довольно. . . .

Нашъ Портъ-Артуръ имѣетъ два рейда: внѣшній и внутренній. Когда подходишь моремъ къ Портъ-Артуру, кажется тебѣ, словно надвигаешься на какую то сплошную стѣну. Идешь напрямки, однако, на эту стѣну, и человѣкъ незнакомый въ мѣстностью, можетъ всегда подумать, что корабль идетъ прямо на высокую стѣну, чтобы сѣсть на мель у подножія ея или, что еще хуже, разбиться о подводные утесы у этой стѣны. Но чѣмъ дальше приближаешься къ Портъ-Артуру, тѣмъ все явственнѣе и явственнѣе разбираешь сначало въ морской бинокль, за тѣмъ и невооруженнымъ глазомъ, что стѣна раздвигается, словно въ извѣстной сказкѣ изъ Тысяча одной ночи гора, и

открывается довольно узкій проходъ. Черезъ этотъ проходъ и проходятъ всѣ корабли на внутренній рейдъ. Проходъ до того узокъ, что прохожденіе двухъ кораблей разомъ уже представляетъ опасность, а потому всегда морское вѣдомство слѣдило за тѣмъ, что бы проходили черезъ тотъ проходъ судна лишь въ одиночку, дабы не случилось несчастія, ибо если бы проходъ оказался загроможденнымъ остовомъ потонувшаго корабля, то можно было бы положительно счесть Портъ-Артуръ блокированнымъ въ мирное время. Наши военные суда стояли всѣ на внѣшнемъ рейдѣ. Съ двоякой цѣлью: чтобы не загромождать и безъ того тѣснаго, узкаго внутренняго рейда и чтобы импонировать всѣмъ купеческимъ судамъ плавающимъ подъ иностранными флагами: вотъ де какіе у Россіи красивыя и могучія военныя суда! Полюбуйтесь ка и разскажите объ этомъ всѣмъ, кто имѣетъ уши, чтобы слышать. Но оказалось, что слышать про это нашлись, дѣйствительно, охотники, да такіе, предъ которыми мы, наоборотъ, имѣли всѣ причины скрывать свои суда, ихъ красу и мощь. Ибо кто любовался ихъ красой, тотъ невольно знакомился и съ ихъ положеніемъ. Сколько наша пресса тамъ ни ругаетъ въ столицахъ японцевъ, какъ азіатовъ, дураковъ, остолоповъ и болвановъ — нехристей, сколько ни силится, въ тонъ столичной, и наша провинціальная печать изобразить нашему обывателю японца, какъ въ полномъ смыслѣ изверга и набитаго дурака, они,

эти японцы, оказались хитрѣе и умнѣе насъ и такъ перехитрили нашихъ собственныхъ остолоповъ, какъ не дай Богъ никакому сколько нибудь честному врагу нашему, ни въ другой разъ и намъ самимъ. Покуда мы тутъ стояли на внѣшнемъ рейдѣ и то и дѣлали, что заставляли матросовъ и солдатъ чистить и мыть все, чтобы все блестѣло, какъ солнце, на солнцѣ, не заботясь ни о чемъ другомъ, какъ о внѣшнемъ порядкѣ и внѣшней прилизанной чистотѣ, японцы не дремали и самымъ точнымъ образомъ изучили положеніе нашихъ судовъ на внѣшнемъ рейдѣ. И какъ они умѣло и ловко дѣйствовали! Японскій консулъ въ Чифу — тебѣ не трудно будетъ разсмотрѣть на картѣ, что это ближайшій къ Портъ-Артуру крупный центръ, находящійся въ китайскихъ рукахъ, слѣдовательно въ рукахъ, намъ въ значительной степени, хотя и скрытно враждебныхъ, — сѣлъ на пароходъ какого то частнаго общества и совершилъ не то увеселительную, не то дѣловую поѣздку въ Портъ-Артуръ и въ Дальній. Конечно, мы только ротъ разинули: шутка ли, консулъ дружественной намъ державы! И тутъ его встрѣтили съ почестями, и тамъ ему поклонились низехонько: пусть молъ знаетъ и чувствуетъ, что имѣетъ дѣло не съ какими либо азіатами а, чортъ побери, съ просвѣщенными европейцами, умѣющими цѣнить и уважать почетныхъ гостей и оказывать имъ радушный пріемъ. Ну, а такъ какъ японскій консулъ, по нашему остолопьему мнѣнію, большая шишка, то почему ему не

имѣть съ собой слугу? И въ самомъ дѣлѣ, слуга какъ слуга. И держится на почтительномъ отдаленіи, и работы совершаетъ лакейскія, и сапоги своему барину на ночь стаскиваетъ и за столомъ ему прислуживаетъ,— словомъ не лакей, а полное совершенство лакейское. А такъ какъ мы въ извѣстномъ отношеніи еще тѣ же люди, что Гоголь обезсмертилъ въ своемъ „Ревизорѣ“, то нашлись и такіе, которые этого самого слугу за большую шишку приняли. Молъ, когда домой пріѣдешь, не забудь за насъ, бѣдныхъ, словечко у своего барина замолвить. Когда какое дѣльцо случится, этакъ повыгоднѣе, не забудь своему барину напомнить, что мы очень охотно и съ большимъ нашимъ наслажденіемъ хотѣли бы поддержать вашу японскую торговлю. А такъ какъ память у васъ, азіатовъ, говорятъ, коротка, то вотъ молъ, тебѣ, на чай, а это тебѣ отъ меня еще на водку. И лакей японскаго консула бралъ, какъ лакею полагается, дѣлая видъ, что не забудетъ своихъ милостивцевъ и тоже судьбой японской торговли очень озабоченъ. А какъ водили его рускіе пріятели на рейдъ, то онъ ни словомъ не говорилъ, что эти суда наши уже съ парохода видѣлъ, а любовался, да похваливалъ, да помаленьку распрашивалъ, что молъ это за судно, какъ оно называется, да сколько тоннъ, да сколько вмѣщаетъ угля, да такъ далѣе. Все похваливалъ, да похваливалъ рускій флотъ, а обыватели, дураки, только млѣли, да слушали его: шутка ли, самъ лакей японскаго консула въ Чифу

похваливаетъ нашъ флотъ. А тотъ возьми, да освѣдомись, — а какъ это, ваши богатыри всегда на одномъ мѣстѣ стоятъ, или мѣста мѣняютъ? Нѣтъ, батенька, слышитъ онъ въ отвѣтъ: наши корабли вседа на одномъ мѣстѣ стоятъ, часто даже безъ паровъ, прямо, что называется, на якорѣ, такъ что ни взадъ, ни впередъ . . . А смѣтливый японецъ только похвалилъ: что жъ, это лишь стойкость придаетъ, да и уголь зачѣмъ зря расходовать? Разинули свои глупые рты наши обыва тели — идіоты, да еще, пожалуй, тому прохвосту — лакею на прощаніе новыхъ подарочковъ на чай и на добрую память надавали, а онъ бралъ, и глазомъ ни разу не сморгнулъ и виду, ни намекомъ не подалъ, что онъ вовсе не лакей, а офицеръ, генеральнаго японскаго штаба капитанъ, который только затѣмъ лакеемъ переодѣлся, лакейскія ухватки изучилъ и слугой къ японскому консулу поступилъ, чтобы въ наши порты Портъ-Артуръ и Дальній проникнуть и тамъ все высмотрѣть и выглядѣть. Да, такъ эти японцы работаютъ, не то что мы съ нашей широкой натурой, съ нашимъ авось, ничего и Богъ дастъ! Мы, вотъ, все на миръ и на миръ надѣялись, какъ на каменную гору, а японцы смышленные на миръ то надѣялись, но и къ войнѣ готовились. Пока что одѣли японскаго офицера слугой и послали консула изъ Чифу, якобы съ слугой, въ увеселительную поѣздку, къ добрымъ сосѣдушкамъ въ гости. Вотъ и влопались, вотъ и проглядѣли мы, что слуга этотъ

на пароходѣ и внѣшній и внутренній рейдъ зачертилъ и себѣ точнехонько зарисовалъ, какъ наши суда стоятъ, въ какомъ расположеніи и гдѣ ихъ слабая сторона. „Доношу въ японскій генеральный штабъ, что по общему мнѣнію и собраннымъ слухамъ и справкамъ суда рускія всегда въ одномъ порядкѣ стоятъ, и большею частью на якорѣ, а то и только лишь подъ малыми парами, такъ что нападеніе неожиданное должно произойти въ такомъ и такомъ то порядкѣ. И еще доношу, что русскія миноноски имѣютъ такое то расположеніе и такой то видъ и обмѣниваются такими то сигналами, а потому полагаю . . .“ А потому не долго думая японское правительство и отдало приказъ: послать свою флотилію миноносокъ и взорвать наши русскія суда на внѣшнемъ рейдѣ. И было это нападеніе весьма и весьма нежданное, застало насъ не то что врасплохъ, но совершенно неподготовленными къ бою.

Кто во всемъ виноватъ, сказать ясно не могу, — виноваты всѣ наши военальники, оказавшіеся непредусмотрительными, и потерявшими головы въ рѣшительный моментъ, и не дальнозоркими, и нерѣшительными и попросту неумѣлыми стратегами. Виновато и высшее начальство, оставлявшее насъ въ полномъ невѣдѣніи. Поставили насъ въ Портъ-Артурѣ, а о томъ, чтобы воинственное настроеніе въ связи съ неослабѣвающимъ вниманіемъ намъ внушить, объ этомъ не позаботились или позаботиться не сочли

нужнымъ. Просто, можетъ быть, забыли, скажешь ты. Нѣтъ, не сочли нужнымъ! Сначала насъ держали на военномъ положеніи, все какъ будто готовилось къ чрезвычайнымъ событіямъ. То насъ посылали на развѣдки, то назначили маневры, то отправляли насъ въ море съ запечатанными приказами,— все это насъ держало не то что въ лихорадкѣ, а просто, какъ говорится, на чеку. Мы и ждали событій, и готовились къ нимъ, и жаждали ихъ, и духъ въ насъ былъ подходящій, и внимательно — зорки мы были до предѣловъ человѣчески возможнаго. А потомъ мы всѣ утомились. Вниманіе наше притупилось, бодрость куда то улетучилась, энергія смѣнилась усталостью. Какъ то мы всѣ утомились, и пріуныли, и пріутихли. Бывало, снова получится приказаніе выходить на развѣдки или съ запечатанными кувертами съ приказомъ — мы уже знали, что это не больше какъ прогулка, что пройдемся немного по морю, разомнемъ наши члены и вернемся въ Портъ-Артуръ на ту нашу излюбленную веранду, на крышѣ отеля, гдѣ такъ хорошо вечеркомъ посидѣть, выпить вина и пофлиртовать съ мѣстными дамами и полудамами, дѣвами и полудѣвами. Ну, и остылъ нашъ пылъ, а потомъ и совсѣмъ насъ оставили въ покоѣ: поставили на внѣшнемъ рейдѣ, и даже приказали не то, что большихъ паровъ не разводить, а и малыхъ не разводить, а стоять смирнехонько на якорѣ. Мы и порѣшили, что конецъ всему, никакой опасности нѣтъ.

Можно значитъ и на берегъ, можно и въ отпускъ на пару дней или недѣль, можно и покутить, и выпить и съ женщинами повозиться,— благо въ Портъ-Артурѣ въ нихъ недостатка не оказывалось. А вотъ только теперь, самымъ что ни на есть заднимъ числомъ узнаемъ, что въ это то время и шли переговоры между нашимъ и японскимъ правительствомъ, вотъ въ это то время тучи уже настолько надвинулись на Дальнемъ Востокѣ, что громъ не могъ не грянуть, что буря не могла не разразиться. Намъ, даже высшимъ офицерамъ, ничего обо всемъ этомъ не сообщали, ни единымъ словомъ, ни даже намекомъ. Нельзя же допустить, чтобы намѣстникъ ничего не зналъ. Вѣдь онъ былъ у насъ не только главнокомандующій надъ всѣми морскими и сухопутными силами, сколько ихъ было въ Портъ-Артурѣ и въ окрестностяхъ его,— но онъ же былъ и намѣстникъ, съ особыми полномочіями. Мы прекрасно знали, что всѣ мѣропріятія высшаго начальства проходятъ черезъ его руки, что комитетъ по дѣламъ Дальняго Востока въ Петербургѣ ничего не предпринимаетъ и не начинаетъ безъ вѣдома, санкціи и согласія намѣстника, что даже дипломатическіе переговоры съ Японіей и Китаемъ, поскольку они касаются Манджуріи и Кореи, шли не иначе какъ черезъ руки намѣстника. А онъ хоть бы словомъ, хоть бы съ кѣмъ нибудь посовѣтовался, призвалъ бы кого либо и сказалъ бы ему по секерту, такъ, молъ, и такъ, можно ожидать большихъ непріятностей, такъ

какъ ваше мнѣніе, все ли у насъ подготовлено или не нужно ли чего измѣнить и подправить, чтобы не осрамиться въ рѣшительный моментъ передъ всей родиной, да передъ всѣмъ свѣтомъ? Такъ нѣтъ, онъ, какъ былъ плохой вояка и сквернѣйшимъ дипломатомъ, такъ имъ и остался до конца. Сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, въ своемъ дворцѣ, и пыхтѣлъ, пыхтѣлъ надъ бумагами. Онъ полько и понималъ свою роль въ томъ, чтобы сидѣть надувшись и пыхтя надъ грудой бумагъ, кричать, топать ногами, ругаться и гонять, гонять безъ конца своихъ адьютантовъ. Каждая бумаженка требовала у него много, времени, пока онъ ее разберетъ, а въ таинственности видѣлъ онъ главное призваніе дипломатіи своей и никого къ совѣту не приглашалъ, ни къ кѣмъ не говорилъ о государственныхъ дѣлахъ, ни съ кѣмъ не совѣщался, никого къ бумагамъ тѣмъ и телеграммамъ не подпускалъ. Кое кто изъ помощниковъ или адьютантовъ, если позволялъ себѣ что либо сказать, что либо замѣтить, что либо посовѣтовать, подпадалъ подъ гнѣвъ. Даже если ему указывали на явную ошибку, на вопіющую несообразность, ничего онъ не хотѣлъ признавать, никого не хотѣлъ слышать. Начиналъ кричать, топать ногами, пѣна брызжетъ и зо рта, — „я, де, васъ или тебя упеку! Я тебя заставлю въ отставку подать! Да знаете ли вы, что Сахалинъ отсюда недалеко! Да понимаете ли, что я здѣсь намѣстникъ, что я здѣсь хозяинъ полный не только надъ городомъ, не надъ каждымъ подчиненымъ

и не подчиненнымъ, что могу и любить и миловать, и разстрѣлять и въ каторгу сослать!“ Такъ не хотѣлъ онъ никого слушать. И всѣ его боялись. И никто не нашелся изъ адмираловъ (мы несчастные капитанишки не подпускались къ намѣстнику даже на разстояніе выстрѣла) чтобы прямо сказать ему: гдѣ угольные запасы? На бумагѣ лишь, ваше превосходительство! Гдѣ видано, чтобы въ тревожное время суда стояли подъ малыми парами или даже на якорѣ? Да не будетъ ли ваше высоко — превосходительство цѣлесообразнымъ послать суда на развѣдки, да внушить матросамъ и офицерамъ немного воинственнаго духа, да поразсказать имъ кое — что про надвигающуюся опасность, да внушить имъ патріотическія чувства, да немножко подбодрить, придать имъ энергіи, да удвоить ихъ бдительность и ревность?! Такъ нѣтъ, никто не нашелся, кто бы это сказалъ, никому не пришло въ голову не только освѣжить и подбодрить насъ развѣдками, маневрами, но даже хоть заставить насъ перемѣнить положеніе судовъ, ибо не могло же не броситься всѣмъ въ глаза, что стоимъ мы смирнехонько на одномъ мѣстѣ, значитъ стоимъ на якорѣ. Да впрочемъ какъ мы могли мѣнять даже мѣста, ходить на развѣдки и т. д., когда наши адмиралы лучше насъ знали, куда таинственнымъ образомъ дѣвались тѣ колосальные запасы угля для нуждъ военнаго флота, которые номинально числились въ Портъ-Артурѣ. Безъ угля мы не могли даже малыхъ паровъ разво-

дить, и поневолѣ приходилось стоять на якорѣ въ полномъ бездѣйствіи, полномъ спокойствіи, полагаясь на то, что наше высшее начальство бдительно и внимательно. Охъ, это вынужденное спокойствіе: оно обошлось дорого намъ, оно весьма дорого обошлось всему русскому народу!

26-го января мы провели какъ всегда, нѣтъ, не какъ всегда. Въ этотъ день было событіе: супруга нашего адмирала Старка была именинницей. Шутка ли, М. И. именнинница! Кто не поздравитъ, тотъ будетъ на скверномъ счету, кто забудетъ, того самого при ближайшихъ назначеніяхъ, повышеніяхъ и раздачѣ орденовъ также забудутъ. И всѣ въ нашемъ флотѣ хорошо знали, хорошенько зарубили себѣ на носу, что сегодня день именинъ М. И. Я даже слышалъ въ нашей каютъ-кампаніи такой разговоръ. Два молодыхъ лейтенанта говорили наканунѣ о завтрашнемъ празднествѣ у М. И., и оба хотѣли быть на этомъ балу, но вотъ бѣда, одинъ изъ нихъ былъ дежурнымъ на слѣдующіи день, а другой не хотѣлъ уступить ему своего дня дежурства.

— Да уступите, просилъ одинъ: дежурьте завтра за меня, а я послѣзавтра охотно за васъ! Поймите, что я не могу не быть на балу.

— Это пустяки. Пошлите телеграмму съ поздравленіемъ и кончено . . . Сошлитесь на дежурство и баста . . .

— Это я знаю и самъ прекрасно . . . Да поймите, что мнѣ надо на этомъ балу быть во что бы то ни стало... Мнѣ нужно кое-кого о чемъ то попросить... А то тутъ вѣкъ будешь сидѣть на этомъ проклятомъ внѣшнемъ рейдѣ безъ всякаго движенія впередъ ни по океану, ни по службѣ . . .

— Вотъ это то и моя мысль, прервалъ другой... Нельзя, знаете, не могу упустить такого случая, когда можно быть въ обществѣ начальства безъ особыхъ стѣсненій... Меня уже разъ одинъ вальсъ съ дочерью командира судна великолѣпно вывезъ . . . Такъ никакъ не могу упустить случая . . .

Такъ вотъ каковы были мотивы, почему оба лейтенанта считали необходимымъ принести свои поздравленія М. И., чтобы быть ею приглашенными къ вечернему балу. Бѣдняги, они такъ соскучились, что о балѣ у адмиральши мечтали уже долго, о блескѣ вечера, о хорошенькихъ барышняхъ городского морского бомонда, о дамокахъ, за которыми можно поухаживать, о возможности быть безъ особыхъ стѣсненій на балу и на пріемѣ съ капитанами перваго и второго ранга и даже . . . съ адмиралами! Шутка ли, отъ этого вѣдь зависѣла вся карьера.

Меня это злило, и я рѣшилъ на зло другимъ поставить свою карьеру на карту и не поѣхать на берегъ. Но все же я поинтересовался узнать, кто ѣдетъ и кто нѣтъ, и цѣлый день наблюдалъ за отходомъ шлюпокъ. Смотрю, послѣ обѣда ото всѣхъ судовъ

то и дѣло отчаливали шлюпки, и въ каждой шлюпкѣ одинъ или нѣсколько господъ офицеровъ.

Съ нашего борта то и дѣло кричали лейтенанты, такъ, чтобы нашъ командиръ не слыхалъ:

— Эй, Семеновъ, куда?

— Къ адмиральшѣ, поздравлять, кричали въ рупоръ съ шлюпки.

— Владиміръ Алексѣевичъ, куда собрались?

— На именины, раздавался отвѣтъ.

— Возьмите меня съ собой! кричали съ нашего корабля.

Нашъ командиръ не позволилъ никому спеціально ѣхать.

— Пошлю шлюпку съ бумагами, тогда поѣдетъ, кто желаетъ, говорилъ онъ.

Часамъ къ пяти матросы спустили шлюпку.

— Кто хочетъ на берегъ, можетъ садиться, сказалъ командиръ.

Бросились почти всѣ наши офицеры. Я одинъ остался, кромѣ командира и дежурнаго лейтенанта.

— А вы что же, не ѣдете? спросилъ меня командиръ.

— Не ѣду, отвѣтилъ я. — Мнѣ что то нездоровится, и я не хотѣлъ бы своимъ кислымъ видомъ разстраивать торжество.

— Ну, что жъ, какъ хотите, отвѣтилъ командиръ.

Шлюпка отчалила, когда уже стало темнѣть. Мы зажгли огни, освѣтились всѣ остальные наши красавцы

суда, и дальній рейдъ представлялъ обычную картину, какъ и каждый вечеръ. Я былъ свободенъ и ушелъ къ себѣ въ каюту. Спустя полчаса пришелъ ко мнѣ вѣстовой.

— Ваше благородіе, пожалуйте къ командиру.

— Сейчасъ.

— Просили, чтобы пожаловали въ формѣ.

Это меня нѣсколько смутило. Ну, думаю себѣ, что то не ладно или что то случилось. Или же формальный выговоръ за то, что остался на суднѣ, не поѣхалъ поздравлять адмиральшу? Еще чего не бывало!

Пошелъ къ командиру, думалъ: будетъ нагоняй, а онъ принялъ меня самымъ любезнымъ образомъ и говоритъ:

— Я не хотѣлъ мѣшать нашей молодежи немного поразвлечься, а потому разрѣшилъ всѣмъ ѣхать на берегъ. Очень жаль, что вы остались. Но такъ какъ вы остались, и я могу на васъ положиться, то я прошу васъ остаться ужъ за меня весь вечеръ.

— Охотно, г. командиръ.

— Вотъ и великолѣпно. Я съѣду на берегъ и оставлю шлюпку, чтобы меня ждала. Если же придется остаться позже и засижусь, то пошлю шлюпку обратно, а вы ужъ распорядитесь, чтобы завтра за мной посланъ былъ возможно раньше утромъ катеръ.

— Все будетъ исполнено.

— Вы остаетесь старшимъ офицеромъ. Ну, да на васъ можно положиться. Вы у насъ служака.

Нашъ дежурный тоже молодецъ. Опасеній сегодня никакихъ. Въ Пѣтербургѣ, говорятъ, подписано уже соглашеніе, и какъ сообщили намѣстнику. Его Величество будетъ сегодня въ Эрмитажѣ на спектаклѣ. Значитъ намъ и подавно можно быть спокойными.

Спустили шлюпку, и капитанъ уѣхалъ. Что то зловѣщее, казалось мнѣ, виситъ въ воздухѣ, и я не могъ успокоиться, обошелъ всѣ помѣщенія, заглянулъ къ матросамъ, ощупалъ полухолодные котлы и пошелъ посмотрѣть, что дѣлаетъ дежурный.

Онъ былъ на своемъ посту, бодрый, какъ всегда. Славный малый, хотя и сожалѣлъ, что приходится сидѣть дома.

— Жаль, жаль, что такъ вышло. Ей Богу, не помню когда танцовалъ, когда въ порядочномъ дамскомъ обществѣ былъ. Только и утѣха одна, что у бл., которыхъ развелось въ Портъ-Артурѣ видимо невидимо.

— Что жъ, служба, не нашелся я отвѣтить ничего болѣе путнаго.

— И какъ разъ въ этотъ день. Теперь, когда выпадетъ такой праздникъ. Нѣтъ, право, я подъ несчастливой звѣздой родился.

— Пойдемте, пройдемся, предложилъ я.

— Пойдемте.

Мы пошли по палубамъ. Я нарочно совершилъ чуть ли не обходъ всего судна во второй разъ. Я нарочно ходилъ такъ, чтобы видѣть, всѣ ли часовые

по мѣстамъ, хотя въ этомъ не сомнѣвался, всѣ ли дежурные нижніе чины на своихъ мѣстахъ и т. д. Убѣдившись, что все въ порядкѣ, я сошелъ къ котламъ и ощупалъ ихъ. Даже малыхъ паровъ мы не имѣли. Котлы были холодные, и изъ трубы дымъ не валилъ струей.

— Какъ вы думаете, сказалъ я: случится намъ въ скоромъ времени выйти въ море?

— О навѣрняка. Развѣ вы не читали новѣйшихъ приказовъ?

— Да что вы? Ужъ есть приказъ?

— Я читалъ. Оповѣщаютъ, что ожидается большой транспортъ съ углемъ. Пошлемъ катера съ транспортомъ угля на бортъ и выйдемъ въ море.

— Ну, это еще вопросъ, сказалъ я: — Уголь мы, пожалуй, получимъ и достаточно много, а тронемся ли съ мѣста, еще большой вопросъ. А хорошо было бы затопить котлы, добавилъ я: право, лучше чувствуешь себя, какъ то бодрѣе, серьезнѣе и энергичнѣе, когда сознаешь, что стоишь подъ всѣми парами и идешь въ море, гдѣ тебя ждетъ что то новое, незнакомое, что пожалуй и жизнь придется поставить на карту и отличиться можно было бы. Эхъ, хорошо было бы, если бы дошло до войны. Хоть и жаль жертвъ, но мы показали бы себя молодцами! . . .

— Какая тамъ война, промолвилъ мой собесѣдникъ. — Слышали, что командиръ разсказывалъ:

миръ, полный миръ! Въ Петербургѣ подписали соглашеніе. Завтра его намѣстникъ получитъ и, вѣроятно, дастъ намъ всѣмъ знать. Вотъ ужъ тогда выспимся и отдохнемъ.

— Да мы и такъ отдыхаемъ вотъ ужъ сколько времени.

— Это не отдыхъ. Это все же какое то прозябаніе. Или война, и каждый нервъ напряженъ, или же полный отдыхъ, и гуляй себѣ на берегу во всю Ивановскую.

Дежурному пришли положить, что пришла шлюпка. Мнѣ передали записку отъ командира. Онъ писалъ, что у М. И. такое блестящее общество, такъ все весело, пріятно и уютно, что не хочется покидать этотъ гостепріимный домъ. Къ тому же ждутъ позднимъ вечеромъ намѣстника и надѣются всѣ узнать отъ него подробности подписаннаго соглашенія, а потому всѣ командиры судовъ порѣшили остаться у г-жи Старкъ. Мнѣ командиръ приказывалъ все же быть внимательнымъ: наши миноноски вышли на развѣдки, и надо держать ухо востро, чтобы не произошло какого либо столкновенія.

У меня было какое то тяжелое предчувствіе, и я, хотя раздѣлся часовъ въ девять, не могъ спать. Не могъ никакъ заснуть. Взялъ, да одѣлся. Думалъ, пройдусь по свѣжему воздуху, да освѣжусь, — пройдетъ головная боль, и съумѣю заснуть. Такъ и сдѣлалъ. На полубѣ встрѣтилъ дежурнаго офицера.

— Вы не спите? удивился онъ.

— Нѣтъ, не спится. Ну что, все благополучно?

— Все.

— Миноноски вернулись?

— Ого, уже давненько.

— Вы почемъ знаете?

— Видѣлъ ихъ огни, да и сигналы подавали.

Мы ходили по палубѣ, сидѣли и разговаривали, вглядываясь во тьму и вслушиваясь въ рокотъ океана.

— Ну, и портъ, чортъ его побери, ворчалъ мой товарищъ. — Ни зги не видно. Въ другомъ мѣстѣ хоть огни города видишь, а тутъ городъ отъ тебя закрытъ дурацкими горами. Вотъ бы хоть освѣщеными окнами въ домѣ адмиральши полюбоваться. Завтра поѣду извиняться и съ тоски напьюсь.

— Стойте, что это! сказалъ я.

— Я ничего не слышу.

— А я слышу.

— Никакъ сигналы!

— Да, вы правы, сигналы.

— А ну разберите, какіе.

— Стойте, дайте прислушаться. Ну, конечно, наши, русскіе . . . Да, да, наши, русскіе . . . Да, да, наши русскіе сигналы . . .

— Кто же ихъ даетъ? . . .

— Вѣрно наши миноноски возвращаются только теперь . . . Вотъ видите, а вы говорили, что они уже вернулись давно.

— Ну, клянусь вамъ, что они вернулись уже давно.

— Да вы не ошибаетесь?

— Г. капитанъ, замѣтилъ мой товарищъ: я сегодня дежурный. . . . Пьянъ я буду только завтра, но никакъ не сегодня.

— Постойте, прислушаемся.

Мы снова прислушались. Сигналы явственно слышны, и наши русскіе сигналы.

— Можетъ быть, наши миноноски снова выходятъ?

— Помилуйте, вѣдь сигналы говорятъ явственно о приходѣ.

— Что же это такое по вашему?

— А просто недоразумѣніе.

— И что вы думаете дѣлать?

— Ничего.

— Нѣтъ это невозможно. Помилуйте, далеко ли до несчастія. Давайте, пустимъ струю свѣта и распытаемся, въ чемъ дѣло.

— Оставьте, что за мысли вамъ приходятъ въ голову. Не то, что нельзя рефлекторовъ пускать, даже огни велѣно не зажигать. Наконецъ, на адмиральскомъ суднѣ то же не дремлютъ и знаютъ лучше насъ съ вами, что нужно дѣлать и чего не нужно.

— И вовсе это не такъ. Всѣ адмиралы наши на берегу, всѣ наши командиры на берегу, и тамъ дежурный также мало знаетъ, что нужно дѣлать, какъ мы съ вами.

— Взгляните сюда.

— Свѣтъ справа!

— Вотъ видите!... Это даже не на адмиральскомъ суднѣ. Это кто то сдѣлалъ на свой рискъ.

— Да, вы правы. Стойте, что такое. Сигналы. Что такое? Слышите?

— Слышу.

— Мнѣ кажется, что я ослышался.

— Нѣтъ, это вѣрно. Кто то спрашиваетъ, наши ли это миноноски?

— Дѣло неладно. Надо освѣтить и осмотрѣть.

— Надо. Распорядитесь.

— Не имѣю права. Вы старшій на суднѣ.

— Вы правы.

Я позвалъ вѣстового и велѣлъ ему немедленно послать команду тихо наверхъ, чтобы зажечь рефлекторъ. Приказаніе было исполнено быстро, и струя сильнаго свѣта разсѣкла морскую пучину и тьму.

— Вотъ видите, сказалъ я: это приближаются миноноски.

— Это наши! воскликнулъ дежурный.

— Какой тамъ наши. Развѣ вы не видите, что у нихъ трубы не такъ какъ у нашихъ. Вотъ этимъ то и отличаются японскія мономоски отъ нашихъ.

— Японскія? ? ? ?

— Да, японскія. . . .

— Такъ это врагъ!!

— Да непріятель подъ носомъ у насъ.

— Не можетъ быть.

— Это правда.

— Это правда!!!

И словно съ тѣмъ, чтобы подтвердить эту истину, раздался грохотъ, показался дымокъ и воздухъ пересѣкла непріятельская мина, не достигшая цѣли и упавшая съ большимъ шипѣніемъ въ воду.

Что тутъ поднялось, я тебѣ, дружище, описать не съумѣю. Я въ первый моментъ потерялъ голову. На всѣхъ судахъ забили тревогу. Я вызвалъ всѣхъ солдатъ къ орудіямъ. Мы начали пальбу по непріятелю. Онъ мѣтилъ въ насъ и въ другія суда. И къ тому же мы не могли сдвинуться съ мѣста, мы не могли даже повернуться такъ, чтобы наши пушки могли отвѣчать на минные выстрѣлы непріятеля. Пока подымали якоря, я метался какъ угорѣлый и отдавалъ распоряженіе за распоряженіемъ. Я сознавалъ, что на мнѣ теперь отвѣтственность за судно, и не знаю, откуда взялось столько стойкости, столько энергіи, распорядительности и т. п. Мой товарищъ стоялъ рядомъ со мной и быстро передавалъ дальше всѣ мои распоряженія и приказанія. Я скажу съ сознаніемъ своей полной правоты: я сдѣлалъ все, что могъ, до послѣдняго момента. Я исполнилъ свой долгъ. Мы всѣ сражались какъ львы, и никто на нашемъ суднѣ не былъ не на своемъ мѣстѣ. Только лишь одни когечары были вынуждены бездѣйствовать.

— Топи! кричалъ я и ругался какъ никогда въ моей жизни еще не ругался. Но мнѣ докладывали

одно и то же: угля нѣтъ на борту достаточно, чтобы развести большіе пары. — Топи! кричалъ я все таки, какъ изступленный. Но ничего не помогало. Я видѣлъ, что о разведеніи паровъ нечего и думать. Все же я хотѣлъ отдать приказаніе, чтобы бросали въ топки все деревянное, что есть на суднѣ, все, что только можетъ горѣть, — но я достаточно быстро опомнился, чтобы понять, что этимъ путемъ не разведешь паровъ и что о томъ, чтобы гнаться за непріятелемъ, не можетъ быть и рѣчи. Поэтому все наше вниманіе было направлено къ тому, чтобы мѣтко цѣлить въ непріятеля. Но мы осуждены были на неподвижность, а онъ ловко маневрировалъ своими маленькими миноносками, и наши гранаты не долетали или перелетали или просто напросто бултыхались въ воду въ сторонѣ отъ японскихъ миноносокъ. Непріятель же продолжалъ выпускать мину за миной, и каждый разъ невольно замирало сердце, и каждый невольно крестился и читалъ себѣ отходную. Къ счастью для насъ и всѣхъ нашихъ судовъ, вскорѣ непріятельскія миноноски повернули вспять и стали удаляться по направленію къ Чифу. Мы во тьмѣ не могли разглядѣть нашихъ уроновъ и полагали, что непріятель отступаетъ послѣ неудачной минной аттаки. Теперь бы слѣдовало нашимъ крейсерамъ погнаться за непріятелемъ и уничтожить всю ихъ флотилію миноносокъ, — но только лишь немногія изъ нашихъ судовъ, что стояли случайно подъ парами, пошли въ догонку, да и тѣ

вскорѣ же вернулись. Я рвалъ на себѣ волосы, проклиналъ все и вся, но ничего подѣлать не могъ: мы были прикованы къ мѣсту, мы не могли двинуться съ мѣста. А гдѣ же были запасы угля? спросишь ты. Спроси объ этомъ у намѣстника. Онъ если бы пожелалъ разсказать правду, сообщилъ бы тебѣ, куда дѣвался уголь, въ какой изъ иностранныхъ портовъ его тайкомъ транспортировали, сколько онъ на этомъ нажилъ и въ какой изъ заграничныхъ банковъ онъ предусмотрительно перевелъ свои нажитые этимъ путемъ, на счетъ всей Россіи и ея военной чести, капиталы.

Единственное, что оставалось, какъ только непріятель удалился, это послать шлюпку на берегъ за оставшимися тамъ нашими офицерами. Пока шлюпка ходила туда и обратно, стало свѣтать. Нечего и говорить, что я всю ночь не то что глазъ не смыкалъ, но и не сходилъ съ мостика. Тяжело раненныхъ у насъ не было, и я предоставилъ заботу о легко раненныхъ нижнимъ чинамъ. Нашъ врачъ, конечно, тоже былъ въ городѣ, а въ лазаретѣ никакъ не могли найти ни корпіи, ни ваты, ни перевязочнаго матеріала. И едва сталъ брезжить свѣтъ, какъ наши офицеры всѣ пріѣхали изъ города. Надушенные, напомаженные, выбритые самымъ тщательнымъ образомъ, они танцовали, пили или играли въ карты у адмиральши, и если изъ нихъ кое — кто былъ пьянъ, то первый выстрѣлъ непріятельскаго орудія произвелъ

на нихъ моментально отрезвляющее впечатлѣніе. Они разсказывали, что сумятица на балу поднялась страшная. Гораздо больше, чѣмъ на нашихъ судахъ, оставшихся безъ офицеровъ. Они всѣ сразу догадались, что непріятель совершилъ нападеніе, ибо кто же осмѣлился бы стрѣлять на судахъ безъ вѣдома и распоряженія начальства, въ такое время, когда всѣ офицеры на берегу. Отчаяніе ихъ не поддавалось описанію! Шутка ли, у Портъ-Артура непріятель, а они, господа офицеры, всѣ на берегу, да еще на балу, внѣ оффиціальнаго отпуска или какого либо служебнаго порученія. Боже, какъ посмотрятъ на это въ Петербургѣ, какъ посмотритъ на это и ближайшее начальство! Къ счастью для многихъ, намѣстникъ на балъ не явился, прославъ адьютанта съ извиненіемъ, а самъ завалился спать сномъ праведника. И такъ онъ здорово спалъ, что даже непріятельскіе орудійные выстрѣлы его не разбудили, а будить его не рѣшался никто изъ слугъ или адьютантовъ. Такъ онъ всю аттаку японцевъ на наши суда и проспалъ, чтобы на утро узнать все, все какъ было. Но наши всѣ офицеры опасались, что намѣстникъ можетъ каждую минуту явиться, и бросились вонъ съ бала, какъ отъ зачумленнаго мѣста. Бросились въ портъ, но шлюпки были отосланы. Каждый думалъ лишь о томъ, чтобы попасть скорѣй на суда и чтобы одинъ другого не видѣлъ во тьмѣ, дабы можно было потомъ сказать:

— Я де былъ на своемъ мѣстѣ и сражался какъ левъ.

И до того паника была велика, что нѣкоторые бросались въ одеждѣ въ воду, чтобы вплавь достигнуть своего судна, — а оно то стояло на внѣшнемъ рейдѣ, за нѣсколько миль отъ берега, — другіе нанимали частныя шлюпки, причемъ лодочники даже подъ угрозой кары строжайшаго свойства не хотѣли подвергаться въ темную ночь возможности налетѣть на разрывающуюся гранату или столкнуться съ предательской миной. И только тогда, когда канонада прекратилась, нѣкоторыя шлюбки отправились съ офицерами къ суднамъ; когда же пришли шлюбки, посланыя мною и съ другихъ судовъ, всѣ офицеры переправились на суда. Въ это то время и началъ брезжить свѣтъ, и тутъ только мы разсмотрѣли и узнали, что три нашихъ судна, три нашихъ красавца, гордость, и слава и честь нашего флота погибли. Бѣдный Ретвизанъ! Бѣдный Цесаревичъ! Бѣдная Паллада! Вы одни неувядаемый памятникъ великаго позора, коимъ покрылъ себя нашъ русскій флотъ. Вы одни безмольные свидѣтели величайшаго преступленія, совершеннаго рускими моряками. Вы одни, только одни, потому что въ оффиціальныхъ донесеніяхъ, полетѣвшихъ въ Петербургѣ, ничего не сказано ни о балѣ, ни о беззаконномъ пребываніи всѣхъ офицеровъ, капитановъ и адмираловъ на берегу, а русская подневольная пресса

никогда не съумѣетъ принести всю правду. Я умоляю тебя, сохрани это письмо, сохрани его до тѣхъ поръ, пока дана будетъ возможность высказать всю правду, и если я спѣшу набросать эти строки, если я такъ торопливо и нелитературно, пожалуй, изложилъ свои впечатлѣнія и свое негодованіе, то дѣлаю это потому, что можетъ быть уже завтра я буду мертвъ. Ругаемъ мы ругмя японцевъ за ихъ яко бы предательское нападеніе, а сами боимся сознаться въ томъ, что мы, мы одни во всемъ виноваты, и что позоръ и безславіе пали на наши головы. Ругаемъ мы ихъ, а все же сознаемся, что они храбры и отважны, и что уже если не завтра, то послѣзавтра мы будемъ также похоронены въ пучинѣ Великаго Океана, какъ похоронены наши товарищи, павшіе жертвой начальническаго нерадѣнія и того безпримѣрнаго грабежа, благодаря которому мы въ рѣшительный моментъ первой битвы съ врагомъ остались безъ угля . . .